

ЦЕННОСТНЫЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

Автор: А. Л. АНДРЕЕВ

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович - доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

В последнее время проблемы социальной дифференциации и, в особенности, социального неравенства, привлекают пристальное внимание российских социологов¹. Это определяется не только чисто научным интересом, но и гражданской озабоченностью ученых состоянием российского общества, перспективами развития страны и ее положением в мире. Ведь складывавшийся в последние годы образ современной России как страны, разделенной на очень богатых и очень бедных, отнюдь не способствует ни поддержанию достигнутой в последние годы относительной социальной стабильности, ни укреплению авторитета страны как одного из ведущих членов мирового сообщества.

Не остается в стороне от этой очень актуальной проблематики и Институт социологии РАН. В апреле - мае 2006 г. его сотрудниками было проведено масштабное исследование *"Социальное неравенство в социологическом измерении"*. Эмпирическую базу его составил всероссийский социологический опрос, в котором участвовало 1750 респондентов, проживающих в 58 поселениях различных типов (в 19 субъектах федерации). Исследование касалось широкого круга вопросов - от структуры потребления различных слоев населения до их политических ориентации. В данной статье затрагивается лишь один из них - воздействие происходивших в последние годы процессов интенсивной социальной дифференциации *на национальный менталитет и определяющие его особенности и базовые ценностные ориентации*.

Давно уже доказано, что люди, принадлежащие к одному социуму, но занимающие в нем разные социальные (или, если пользоваться традиционной терминологией, классовые) позиции, обычно неодинаково воспринимают едва ли не все стороны общественной жизни. То, что для одних выступает как ценность, в другой социальной среде может рассматриваться нейтрально или даже негативно. Это положение в принципе универсально. Тем не менее, какой-то единой "формулы", связывающей социальные

Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант N 07 - 03 - 00102а).

¹ См.: Социальное расслоение и социальная мобильность. М.: Наука, 1999; Социальная стратификация российского общества. М.: Летний сад, 2003; *Андреев А. Л.* Богатство и бедность как явления национального бытия // *Философия хозяйства*. 2003. N 3; *Заславская Т. И.* Современное российское общество: проблемы и перспективы // *Общество, науки и современность*. 2004. N 5; *Россия - новая социальная реальность. Богатые, бедные, средний класс*. М.: Наука, 2004.

различия с определенными ценностными ориентациями, не существует. Общая закономерность всегда выражает себя в формах национального менталитета и модифицируется применительно к смене социально-исторических условий. Каким образом проявляется она в российском социуме на современном этапе его эволюции? Попробуем ответить на этот вопрос, опираясь на материалы и данные упомянутого выше исследования.

Если учитывать цивилизационные особенности России, то самое первое, с чего следует начать анализ, - это *соотношение ценностей коллективизма и индивидуализма*, выражающих не только различные жизненные стратегии, но и способы наиболее эффективного решения жизненных задач.

В проведенном исследовании респондентам предлагались *три пары альтернативных тезисов*, характеризующих указанную аксиологическую антиномию. *Что кажется сегодня россиянам более правильным* - известная пословица "Человек - сам кузнец своего счастья" (а это значит, что и успех, и неудачи - все в его руках) или противоположная этому максима "Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями" (а стало быть, старайся или не старайся, но результат все равно в конечном счете от этого не зависит)? Эта альтернатива позволяет выявить *мировоззренческий аспект* - уровень своего рода "жизненной мудрости".

Известно, что развитие России шло в очень трудных, часто экстремальных природных и исторических условиях, что отложилось в национальном менталитете налетом своеобразного стоического *фатализма*, признающего неодолимую силу обстоятельств. Человек в такой картине мира ощущает себя бессильным перед обстоятельствами: "плетью обуха не перешибешь". Мы не располагаем всеми эмпирическими данными, позволяющими проследить, как исторически менялось количественное соотношение между "активистской" и "фаталистической" позициями. Тем не менее результаты исследования позволяют сделать вывод, что и в настоящее время последняя преобладает в российском обществе, однако оно все же не является подавляющим. За утверждение "человек сам кузнец своего счастья" в ходе проведенного опроса высказалось в общей сложности 42% респондентов, а в поддержку противоположной этому точки зрения - 58%. Итак, большие способности и усилия не всегда дают пропорциональные результаты. Когда вопрос переходит из философско-мировоззренческой плоскости в сферу практических соображений, позиция изменяется в сторону повышения роли индивидуальных усилий человека, а значит, и индивидуального начала вообще.

В этой связи весьма примечательным является распределение мнений по поводу *второй альтернативы*, касающейся стратегии, на которую ориентируются социальные практики. Как лучше действовать, чтобы отстоять свои интересы и добиться чего-то важного, - *сообща* или рассчитывая исключительно лишь *на свои силы!* В данном вопросе респонденты разделились практически поровну: 51% - за *коллективные действия*, 49% - за *чисто индивидуальные*.

Очевидно, что полученную итоговую пропорцию надо рассматривать как сложную результирующую многих противоречиво связанных друг с другом факторов и обстоятельств. В ней в том или ином соотношении смешаны и естественная склонность к индивидуализму, всегда присущая той или иной части населения, и дефицит навыков социальной самоорганизации, во многом утраченных или атрофированных в условиях советского патернализма, и воздействие СМИ, настойчиво пропагандировавших этику личного успеха, и реакция на прогрессирующую атомизацию общества, и социальное расслоение, часто делающее коллективные действия весьма проблематичными. Немалую роль сыграло то, что администрации разных уровней в последние годы систематически игнорировали практически любые идущие снизу коллективные акции, если только они не были связаны с угрозой серьезной дестабилизации (перекрытие

магистралей и др.), вследствие чего готовность участвовать в таких акциях стала ассоциироваться с участием в "беспорядках" и силовых противостояниях. Какой из этих факторов вносит наибольший вклад в итоговые цифры, сказать трудно - вопрос этот требует специального исследования. Однако ясно, что мы сталкиваемся в данном случае с ситуацией социокультурного и социально-психологического раскола. *Перед нами как бы две России, одна - солидаристская, ставящая перед собой те или иные общие цели, другая - сосредоточенная на индивидуальном выживании.* Как показывает анализ полученных данных, разделительная линия между ними идет не по границам различающихся своим положением социальных групп и слоев, а раскалывает в той или иной пропорции каждый из них, причем пропорция эта, как оказалось, практически никогда не сдвигается в ту или иную сторону больше, чем в соотношении 1:2. Иными словами, *любой из двух альтернативных подходов (и соответствующих ценностных ориентации) представлен в любой социально-демографической группе не менее, чем третью ее численности.* Существовая бок о бок, эти две России и сегодня довольно плохо понимают друг друга; в случае возникновения ситуации нестабильности это непонимание может обернуться противостоянием, чреватым серьезными социальными потрясениями.

Казалось бы, если человек - игрушка судьбы, его личные усилия мало значимы и в любой момент могут разбиться о гряды обстоятельств, то респонденты должны были бы поддержать "страховочный" вариант распределения жизненных благ по принципу уравнилельной справедливости. Если судить о России и россиянах по широко распространенным мифам, то именно так и должны были бы рассуждать наши соотечественники. Тем не менее в реальности они мыслят иначе. Конкретизируем это положение.

На протяжении ряда лет в ходе социологических опросов респондентам предлагалась *еще одна пара (3-я) альтернативных тезисов* - "равенство возможностей для проявления способностей каждого человека важнее, чем равенство доходов и условий жизни", и "равенство доходов, положения и условий жизни каждого человека важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей". И, вопреки расхожим стереотипам о русской ментальности, респонденты отдали предпочтение вовсе не второй из них, а первой (59% ответов против 41%), причем пропорция эта варьируется по основным социально-демографическим группам очень умеренно. Иными словами, *каких-либо поддающихся отчетливому выделению социальных групп, которые стремились бы "все отнять и поделить", в современной России нет.* Практически везде признание того, что людям должна быть предоставлена возможность проявить себя и получить за это соответствующее вознаграждение, преобладает над уравнилельными настроениями, хотя, конечно, и не в одинаковой мере.

Впрочем, данный результат не содержит в себе ничего неожиданного - распределение мнений примерно в той же пропорции фиксируется нами на протяжении последнего десятилетия. Если говорить более строго, то в среднесрочном временном интервале данный показатель совершает хаотические колебания без определенной тенденции с амплитудой $\pm 7\%$ вокруг некоторого центрального положения, количественные параметры которого соответствуют пропорции 65:35.

Дифференцированный анализ полученного в ходе исследования массива данных по основным социально-демографическим группам и некоторым специально выделенным категориям опрашиваемых показывает, что склонность верить в то, что успех зависит только от самого человека, имеет в России, как и везде, отчетливо выраженную "модернизационную" природу. В целом *оценка значимости индивидуальных усилий и способностей плавно повышается обратно пропорционально возрасту респондентов и прямо пропорционально уровню образования и величине поселения, в котором они живут и/или откуда они родом.* Совершенно аналогично обстоят дела и с выбором между равными шансами и равными доходами. Более молодые респонденты, ли-

ца, имеющие высшее или среднее специальное образование, жители (уроженцы) крупных городов, особенно мегаполисов, ценят в первую очередь равенство возможностей и склонны надеяться преимущественно на себя, тогда как люди среднего и пожилого возраста, проживающие в сельской местности и городках районного масштаба, не закончившие средней школы, увереннее чувствуют себя в составе различного рода общностей и нуждаются в выравнивании не только стартовых условий, но и вознаграждения за конечные результаты деятельности. Разумеется, важным здесь является также уровень компетентности респондентов - среди руководителей, самостоятельно принимающих решения, "индивидуалисты" встречаются чаще, чем "коллективисты", а среди рядовых работников и особенно не работающих - наоборот.

Следует отметить, что перечисленные дифференцирующие факторы действуют не с одинаковой силой. Например, когда речь идет о "философской" альтернативе "Человек - сам кузнец своего счастья" - "Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями", такие параметры, как возраст, служебный статус и место социализации дают разброс 22 - 25%, тогда как все остальные - от 10 до 14%.

В этой связи интересно, что фактический уровень образования и тип поселения в настоящее время оказывают на расхождение во мнениях по данному вопросу заметно *меньшее воздействие, чем место, где человек пошел в школу*. Это означает, что представления респондентов о способности личным усилием преодолевать обстоятельства, часто имеют своей основой не объективное соотношение "силы волн с силой пловца", а внутренние самоощущения, пропущенные через сформированные культурой и опытом первоначальной социализации фундаментальные "картины мира". Скажем, серия примерно одинаковых личных затруднений может совершенно по-разному переживаться людьми, занимающими одно и то же положение, но воспитывавшимися в *разных социокультурных средах* и прошедшими разный жизненный путь. В одном случае это будет, допустим, глубокая фрустрация по поводу личных "ошибок", переходящая в сомнения по поводу своей "конкурентоспособности" (синдром неудачника), в других - перенос ответственности на "судьбу", "невезение" или неблагоприятные "расклады" событий.

Если в советское время в школе, в печати, на экране доминировали герои, делающие "общее дело" и стремящиеся действовать "на благо всех", то в последние полтора-два десятилетия в стране широко развернулась пропаганда индивидуального успеха и так называемых успешных людей. При этом как бы само собой подразумевалось, что критерии успеха абсолютны и с самого начала определены для всех и на все времена. Однако правомерно ли говорить об "успехе вообще", не соотнося результаты с намерениями и ценностями самого действующего субъекта?

Опираясь на результаты проводившихся ранее опросов, мы уже давали основанные на эмпирических данных характеристики российского понимания успеха и успешности, по крайней мере - на современном этапе его эволюции². Отмечались некоторые специфические его особенности, в частности, то, что в современных условиях тотальной экспансии "рыночных" ценностей россияне видят смысл жизни не столько в обогащении, сколько в душевной гармонии, семье и получении хорошего образования. В данном случае нас интересовали не столько вербальные характеристики жизненных целей и предпочтений, сколько оценка россиянами *их реальных жизненных достижений* в их соотношении с тем, что в психологии называют "планом всей жизни". Анализ проводился по 16 базовым позициям (образование, получение престижной работы, уровень жизни и благосостояние, воспитание детей, карьера, наличие надежных

² См., в частности: Россия на рубеже веков. М.: РНИСиНП - РОССПЭН, 2000. С. 19 - 27; Россия - новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. М.: Наука, 2004. С. 195 - 208.

Чего удалось добиться в жизни россиянам? (в % к числу опрошенных)

Сфера достижения успехов	Уже добились, чего хотели	Пока не добились, но считают, им это по силам	Хотелось бы, но вряд ли смогут добиться этого	В их жизненных планах этого не было
Получить хорошее образование	40	11	32	16
Получить престижную работу	23	22	41	14
Создать счастливую семью	60	20	16	4
Иметь собственный бизнес	2	12	31	55
Стать богатым человеком	1	17	54	29
Заниматься любимым делом	38	24	33	5
Иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие	14	19	42	25
Побывать в разных странах мира	4	17	55	24
Воспитать хороших детей	51	36	9	5
Жить не хуже других	31	36	30	4
Иметь надежных друзей	66	17	12	5
Честно прожить свою жизнь	63	26	7	4
Иметь интересную работу	38	25	30	7
Иметь доступ к власти	2	5	17	75
Попасть в определенный круг людей	6	11	21	62
Сделать карьеру профессиональную, политическую или общественную	9	19	23	49

Примечание. В таблице не представлены затруднившиеся с ответом, поэтому общая сумма ответов может быть менее 100%.

друзей и др.), по каждой из которых предполагалось 4 возможных ответа. Полученные данные по выборке в целом приведены ниже (см. табл.).

Как видно из последнего столбика приведенной таблицы, жизненной целью для россиян является "счастье душевности" - общение и взаимопонимание с близкими людьми (семья и друзья), а также наличие любимого дела, в которое, как издавна считается в народе, также надо "вложить душу". Количество респондентов, заявивших, что они таких целей перед собой *не* ставили, составляет очень малую величину - не более 4% - 6%. Кроме того, подавляющему большинству россиян в принципе не хотелось бы вступать в серьезный разлад со своей совестью (установка на то, чтобы "честно прожить жизнь"). Наконец, к этому списку всеобщих целей надо прибавить несколько амбивалентное "жить не хуже других".

На противоположном от этого полюсе лежат не то чтобы антиценности (их ценностный статус и даже привлекательность, насколько мы понимаем, не оспаривается), а как бы набор ценностей, не заслуживающих в глазах большинства россиян трансформации в значимые жизненные цели. Здесь мы найдем значительную часть из списка пропагандировавшейся у нас чуть ли не на официальном уровне "ценности успеха" - собственный бизнес, доступ в "избранное общество" и, наконец, власть, которая в национальном менталитете традиционно выступает как "самое последнее дело". Профессионально-статусная самореализация оказалась для россиян значительно менее привлекательной, чем просто наличие интересной работы и любимого дела. По крайней мере, примерно половина опрошенных отметила, что они никогда не планировали сделать карьеру, тогда как в своем изначально безразличном отношении к работе с точки зрения интереса к ней призналось всего несколько процентов опрошенных.

Но здесь придется отметить некое *противоречие* в ценностных ориентациях россиян. С одной стороны, им хотелось бы заниматься тем, что нравится им самим, не особенно думая о самопродвижении и признании со стороны окружающих. Но с другой стороны, большинство наших сограждан не против богатства. Изначальное безразличие к нему продекларировало менее 30% опрошенных, причем есть основания полагать, что сюда вошло и некоторое количество людей, обманывающих самих себя (это психологически понятная форма самозащиты - если благосостояние никак не дается в руки, то... "не очень-то и хотелось"). Таким образом, не менее 70%, по крайней мере косвенно, признали, что данная тема для них была с самого начала небезынтесной. Конечно, что такое "быть богатым человеком" - вопрос спорный, здесь могут попасть в одну рубрику еще советские представления старшего поколения (квартира, "Волга" + 6 соток) и несравненно более амбициозные современные вождения (особняк на Рублевке и "Бентли" + яхта и вилла в Испании). Но как бы мы ни рассуждали, все равно обозначается примерно 20%-й зазор между теми, кто хотел бы быть богатым, и теми, кто готов целенаправленно на это работать. Остается только предполагать, как примерно пятая часть россиян думает добиться желаемого благополучия - то ли богатство должно прийти к ним "само собой", то ли его источником должно быть "справедливое" государство.

Сопоставляя планы и цели с результатами, видим, что *более всего россияне удовлетворены окружающим их "малым" миром семьи и дружбы* (60 - 66% твердо положительных и 17 - 20% уверенно оптимистических оценок против 16 - 20% отрицательных). Несколько ниже процент твердых "да" в том пункте таблицы, где речь идет о *детях*. Такой однозначный ответ получен лишь по половине выборки. Но следует отметить, что в старших возрастных когортах (а это родители наиболее дееспособных сегодня 30- и 40-летних россиян) удовлетворенность детьми достигает 3/4 опрошенных.

В отличие от этого, *заниматься любимым делом*, иметь интересную работу удалось лишь *меньшинству* наших сограждан, хотя и довольно значительному (около 38%). В основном это специалисты с высшим образованием и руководители. При этом еще почти каждый четвертый выразил надежду, что получить интересную работу, заняться любимым делом им хотя пока и не удалось, но обязательно удастся.

Менее всего опрошенные склонны рассматривать как значительные достижения карьеру и благосостояние. Причем, если, согласно самооценкам, карьера в целом "задалась" примерно каждому десятому или одиннадцатому респонденту, то считают себя богатыми ровно в 10 раз меньше. Здесь, как бы сам собой, обнаруживается самый высокий уровень фрустраций. *Значительная часть опрошенных не удовлетворена также престижностью своей работы, дефицитом свободного времени и, наконец, некоторым однообразием жизни*, которое является неизбежным спутником не слишком высокого социального статуса: так, в частности, троем из каждых четырех опрошенных хотелось бы побывать в разных странах мира, но реально удалось выполнить это желание чуть ли не одному из двадцати о нем заявивших. (Не так много для общества, активно пропагандирующего вхождение в мировое сообщество и "открытость"!)

Итак, *усредненный портрет россиянина* в плане его стиля жизни можно выразить двумя словами - семьянин и "рабочая лошадка". Не рвущийся в "заоблачные выси", он в большинстве случаев лоялен и готов старательно работать на своем месте, рассчитывая на то, что это обеспечит ему возможность спокойной жизни со скромным, но верным достатком.

Однако *молодежь*, особенно городская, постепенно все дальше отклоняется от данного типа, проявляя возрастающий уровень амбиций. Ее ценности близки к ценностям старшего (а отчасти и среднего) поколения лишь по нескольким позициям, таким как традиционный критерий самоуважения "жить не хуже других", создание хорошей семьи, приоритет любимого дела. Как ни противоречит это данным ряда исследова-

ний, свидетельствующих о склонности молодого поколения не считаться в своем продвижении не только с этическими нормами, но даже с законом, оно в общем-то лишь ненамного меньше старшего разделяет нравственную установку на честно прожитую жизнь (о том, что такой цели нет или не было в жизненных планах, заявили от 2,5 до 3,5% опрошенных в возрастных когортах 51 год и старше, и чуть более 8,5% в возрасте до 30 лет).

Ожидания молодежи относительно уровня жизни, статусной и деловой самореализации значительно выше, чем у старшего поколения. Например, относительно желания иметь *собственное дело* сравнения проводить трудно - в советскую эпоху такой возможности просто не было, и вполне естественно, что люди, достигшие ныне пенсионного возраста, его не планировали. Но, скажем, *карьера* была во все времена - и тем не менее в двух старших возрастных когортах почти 2/3 опрошенных особых планов, по их словам, не строили, тогда как в самой младшей возрастной группе таких "некарьеристов" оказалось менее четверти - величина разрыва почти 40% (!). Сегодня не стремятся специально к *богатству* всего 11,5% самых молодых наших сограждан (до 30 лет). Среди вполне еще социально активных и дееспособных 40 - 50-летних этот показатель в 2,5 раза ниже, а среди переваливших 60-летний рубеж никогда не ставили перед собой цели стать богатыми свыше половины опрошенных. Также растут ожидания молодых по оплате труда и объему получаемых на эти деньги жизненных удовольствий (например, в плане поездок в разные страны мира или наличия свободного времени для досуга и др.). Готовых самостоятельно заняться бизнесом среди молодежи по-прежнему меньшинство, однако за последние годы оно выросло до значительной доли (примерно треть опрошенных).

Особенно красноречива динамика *отношения к власти*. Старшее поколение однозначно ее сторонилось, в чем можно усматривать и некую безгосударственность русского менталитета, о которой в свое время говорили еще славянофилы. В общем, такая позиция по-прежнему преобладает и среди молодежи. Однако "вес" ее очень резко снизился. Если среди тех, кому перевалило за 60 (а это поколение "младших шестидесятников", вступавшее в самостоятельную жизнь на волне XX съезда КПСС), подавляющее большинство (87%) никогда не помышляло о доступе к власти, то среди тех, кто входит в жизнь сегодня, такой позиции придерживается лишь немного больше половины (57%).

Все это позволяет сделать вывод о том, что, при сохранении некоторых базовых смысловых констант национального менталитета, в российском социуме в последние 10 - 15 лет произошла *своеобразная "революция ожиданий"*. Под знаком этой революции в жизнь входит новое поколение, которому придется столкнуться с тем, как будут оправдываться усвоенные им жизненные цели на практике. Итоги исследования настораживают: несмотря на наметившиеся в последнее время тенденции экономического роста, значительная часть опрошенных выразила *недовольство складывающейся социальной ситуацией*. Приблизительно четверть наших сограждан считает, что эта ситуация не улучшается, а ухудшается. В особенности большое недовольство вызывает слишком большой разрыв между богатыми и бедными. О том, что разрыв углубляется, заявили 47% опрошенных. Причем, что особенно интересно, свое неодобрение выражают не только те, кто едва сводит концы с концами, но и вполне обеспеченная в материальном отношении часть граждан. В самой *благополучной группе* участвовавших в опросе респондентов (ежемесячный душевой доход - свыше 10 тыс. руб.) около 70% выразили мнение, что *дифференциация доходов в стране неоправданно велика*, и еще примерно 20% "скорее согласны, чем не согласны" с этим тезисом. Таким образом, так или иначе обеспокоены проблемой нарастающего социального неравенства до 90% тех, кто, вроде бы, должен был бы этого "не заметить".